

STUDIA
RELIGIOSA

АННА
СОКОЛОВА

НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ—
НОВАЯ СМЕРТЬ?

ПОХОРОННАЯ
КУЛЬТУРА
РАННЕГО СССР

18+

Studia religiosa

Анна Соколова

**Новому человеку – новая
смерть? Похоронная
культура раннего СССР**

«НЛО»

2022

УДК 63.529(2)6-534
ББК 393(47+57)«19»

Соколова А.

Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР / А. Соколова — «НЛО», 2022 — (Studia religiosa)

ISBN 978-5-44-481664-6

История СССР часто измеряется десятками и сотнями миллионов трагических и насильственных смертей – от голода, репрессий, войн, а также катастрофических издержек социальной и экономической политики советской власти. Но огромное число жертв советского эксперимента окружала еще более необъятная смерть: речь о миллионах и миллионах людей, умерших от старости, болезней и несчастных случаев. Книга историка и антрополога Анны Соколовой представляет собой анализ государственной политики в отношении смерти и погребения, а также причудливых метаморфоз похоронной культуры в крупных городах СССР. Эта тема долгое время оставалась в тени исследований о политических репрессиях и войнах, а также работ по традиционной деревенской похоронной культуре. Если эти аспекты советской смертности исследованы неплохо, то вопрос о том, что представляли собой в материальном и символическом измерениях смерть и похороны рядового советского горожанина, изучен мало. Между тем он очень важен для понимания того, кем был (или должен был стать) «новый советский человек», провозглашенный революцией. Анализ трансформаций в сфере похоронной культуры проливает свет и на другой вопрос: был ли опыт радикального реформирования общества в СССР абсолютно уникальным или же, несмотря на весь свой радикализм, он был частью масштабного модернизационного перехода к индустриальным обществам? Анна Соколова – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, преподаватель программы «История советской цивилизации» МВШСЭН.

УДК 63.529(2)6-534

ББК 393(47+57)«19»

ISBN 978-5-44-481664-6

© Соколова А., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Десемантизация смерти: «Остается туша гниющего мяса. Какое к ней может быть разумное отношение?»	8
Рядовая смерть: советский проект и повседневные практики обращения с мертвыми телами	16
Похоронная реформа 1918 года	18
Похоронные реформы в Европе в XVIII–XIX веках	21
Нормативное регулирование и похоронные реформы в Российской империи	24
Последствия похоронных реформ и советский микрокосм	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Соколова

Новому человеку – новая смерть?.

Похоронная культура раннего СССР

Предисловие

Эта книга стала результатом исследования продолжительностью почти 10 лет. Оно началось как попытка найти ответ на вопрос о том, почему в привычном мне окружении семьи и близких тема смерти никогда не обсуждалась открыто и даже неизлечимые болезни, такие как рак или СПИД, назывались иносказательно – «эта болезнь». Табу всегда вызывает живой интерес, и за последние годы я имела возможность удовлетворить его сполна. Я много узнала о смерти, о похоронных практиках и обычаях, научилась свободно говорить на эту тему с незнакомыми людьми и многое поняла о том, с чем была связана невозможность говорить о смерти среди моих близких и знакомых.

Работе над этой книгой сопутствовали огромная поддержка и интерес со стороны моих коллег и друзей. Я хочу поблагодарить Сергея Мохова, Михаила Алексеевского, Ксению Трофимову, Павла Куприянова, Михаила Лурье, Игала Халфина, Артема Кравченко, Викторину Смолкин, Джека Сантино за многие часы плодотворных обсуждений моего исследования. Нинель Саввишна Полищук оказала мне неоценимую услугу, предоставив доступ к своему личному исследовательскому архиву.

Все это время моим исследовательским домом был Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, который я хочу поблагодарить за поддержку моих исследований. Я также благодарна фонду Фулбрайта, Европейскому университету Виадрины (Франкфурт-на-Одере, Германия) и лично профессору Андрею Портнову. Время, проведенное в университетах Гарварда, Боулинг-Грин и Виадрины, позволило серьезно переосмыслить подход к исследуемой проблеме: в первую очередь перестать экзотизировать советский опыт и начать интерпретировать его в контексте более широкого круга процессов, происходивших в других культурах в этот же период. Поддержка Российского научного фонда (проект № 17–78–10208) позволила не только спокойно вести исследование, но и выступить на многих международных конференциях и получить ценные комментарии и советы от коллег из разных университетов.

Хочу выразить огромную благодарность работникам читальных залов архивов, в которых я работала: Государственного архива Московской области (ГАМО), Центрального городского архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы), Государственного архива Владимирской области (ГАВО). Несмотря на иронию, с которой они воспринимали интересующие меня сюжеты, они всегда шли мне навстречу и оказали множество больших и маленьких услуг на этом долгом пути.

Я хочу отдельно поблагодарить Катерину Кузнецову и Ольгу Трефилову за неоценимую помощь в подготовке рукописи. Также выражаю глубокую признательность издательству «Новое литературное обозрение» и лично Сергею Елагину, который поддерживал меня на всех этапах работы, терпеливо ждал и всегда верил в то, что работа над книгой будет закончена.

Огромную благодарность я испытываю к моей семье, которая не просто терпеливо сносила все мои размышления о советских покойниках, но и старалась по мере сил быть включенной в мою работу. Мой муж был самым внимательным читателем моей рукописи с самых

ранних набросков до ее последнего варианта. Это огромная работа, которую он проделал с искренним чувством соучастия, за что я безмерно ему благодарна. Мои дети, родившиеся и выросшие, пока я писала эту книгу, научились не только принимать мою работу, командировки и погруженность в себя, но и относиться с юмором к предмету моего исследования. Мои родители и брат никогда не утрачивали скепсиса по поводу моего исследования, что уже само по себе заставляло меня постоянно двигаться вперед. Без этой поддержки я никогда не смогла бы дойти до конца этой работы.

Но больше всего я благодарна мой дорогой бабушке, которая родилась в самый разгар описываемых мной событий, в 1926 году, прожила долгую и счастливую жизнь и стала для меня образцом независимости и внутренней свободы. В ней я всегда находила поддержку самым авантюрным своим начинаниям, и она продолжает вдохновлять меня и сейчас, даже после своей смерти. Ее памяти я посвящаю эту книгу.

Введение

Десемантизация смерти: «Остается туша гниющего мяса. Какое к ней может быть разумное отношение?»

«...Среди городских обывателей создавалось явно антисоветское и чуть ли не погромное настроение. Это настроение еще усилилось тем, что все попы забастовали, отказываясь совершать обряды и богослужения»¹ – так описывает корреспондент газеты «Безбожник» последствия «поповской стачки» в Перми в 1918 году. Отказ священников совершать обряды стал результатом конфликта пермского епископа и Губчека. Во время напряженного противостояния верующих и коммунистов обе стороны поочередно устраивали митинги. В результате на большевистском митинге была принята резолюция, «резко осуждающая поповскую противосоветскую работу и стачку попов, требующая от попов немедленного прекращения стачки и просьбой к Сов. Власти принять меры, чтобы попы на время стачки были бы лишены продовольствия, ибо – „кто не трудится, тот да не ест“»². Священники потерпели поражение и были вынуждены прекратить стачку. Отказ священников совершать обряды практически парализовал жизнь в городе, и революционная власть была вынуждена требовать прекращения стачки и возобновления богослужений, чтобы восстановить порядок.

Сегодня сложно представить себе, что 100 лет назад семейные обряды (крестины, свадьбы, похороны) занимали в обществе совсем иное, гораздо более важное место. Как видно из истории «поповской стачки», в российском обществе начала XX века эти ритуалы не находились в приватной сфере, как сейчас, а были в гораздо большей степени *публичным социальным действием*. Похоронный ритуал, которому посвящена эта книга, не только предполагал участие большого круга лиц помимо родственников покойного, но и становился *общественным событием*: его наблюдали, обсуждали, описывали в дневниках и письмах десятки людей, никак не связанных с умершим. Люди легко «считывали» социальный контекст происходящего – кем был покойный, каковы были его общественное и материальное положение, отношения с родственниками и даже политические взгляды. Похоронный ритуал, таким образом, был не только приватным религиозным обрядом, но и социальным актом.

Будучи неотъемлемой частью общественной жизни рубежа XIX–XX веков, семейные обряды имели ярко выраженный сословный и конфессиональный характер. Каждая смена семейного статуса, будь то рождение ребенка, свадьба или смерть, должна была оформляться ритуально в рамках той конфессии (и прихода), к которой принадлежала семья, в соответствии с сословными традициями. Хоронить должны были на кладбище той конфессии, к которой был приписан умерший. Такая тесная связь семейной обрядности с религиозными и сословными правилами также усиливала социальный характер похорон, делая их не только семейным, но и общественным событием.

В течение всего советского периода общество, в особенности городское, претерпело многочисленные изменения, связанные не только напрямую с большевистской идеологией, но и

¹ ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 11. Л. 22–25. Здесь и далее при цитировании источников сохранены оригинальная орфография и пунктуация.

² Там же. Любопытно, что, призывая священников возобновить богослужения, советская власть не использует новый советский язык (Kotkin S. *Magnetic mountain: Stalinism as a civilization*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1997. Р. 198–238), а прибегает к языку Священного Писания – «кто не трудится, тот да не ест» – ср.: 2 Фес. 3: 10. Использование библейской цитаты в революционной резолюции было очевидно современникам и обнаруживало хорошее знание авторами резолюции церковнославянского текста. Всё это еще раз свидетельствует о том, какое значение имела традиционная и религиозная культура в России этого времени.

с отходом от традиционного уклада, отказом от сословной организации, урбанизацией, развитием промышленности. Для моего исследования важно отметить серьезные изменения в похоронных практиках, которые переместились, наряду с другими обрядами жизненного цикла, из публичной сферы в приватную. Важнейшим следствием этого процесса стало то, что непосредственный сценарий проведения похоронного ритуала более не обусловлен ни тем положением, которое занимает семья покойного в обществе, ни формальной принадлежностью к той или иной конфессии, а зависит лишь от воли и благосостояния самого покойного или его близких. Более того, в городах похороны стали практически незаметны. Пропали похоронные процессии с колесницами и факельщиками, публичный вынос тела и прощание с покойным, стали необязательными религиозные обряды; по виду катафального транспорта мы больше не можем ничего сказать о покойном и о том месте, которое он занимал в обществе; небольшие по своему уютные конфессиональные кладбища в городской черте сменились огромными кварталами новых кладбищ в пригородах. Почти исчезли и другие социальные приметы смерти – нет больше специальной траурной одежды или даже отдельных символов траура, нет объявлений о смерти и похоронах, практически исчез жанр газетных некрологов.

Похоронная культура русских, как и других народов бывшего Союза, стала не просто более универсальной, простой, аскетичной. Умирание, смерть и похороны – из закономерного итога любой жизни и явления, которому соответствует понятное каждому поведение, превратились в череду событий, вызывающих неловкость у их свидетелей, поскольку никто больше не имеет четкой, прописанной и проверенной поколениями программы действий, которая вписывала бы смерть и похороны в социальный контекст. Экспликация похорон в общественной жизни минимизирована настолько, что даже табуированная сама по себе надпись «ритуал» на автобусах-катафалках уменьшилась до незаметной таблички, а подчас и вообще отсутствует. Даже этот эвфемизм стал для нас «неудобным».

Такого рода вытеснение смерти из публичного пространства происходит даже в такой нейтральной области, как академические исследования. Пока я работала над этой книгой, я чувствовала «неудобство» избранного мной предмета исследования постоянно. Впервые заинтересовавшись темой смерти, я решила поступить в аспирантуру, но профессор посоветовал мне выбрать более жизнерадостный сюжет. Я была настойчива, поступила в аспирантуру в другой институт, защитила диссертацию, но и впоследствии регулярно встречала смешки и разговоры, суть которых сводилась к вопросу: «Вы молодая девушка, зачем же вы изучаете *такие* вещи?» Когда я приходила в архивы с официальным письмом, в котором было написано, что я ищу материалы о похоронной культуре, архивисты не задумываясь отвечали, что в их архиве таких материалов нет и быть не может, а позже, когда материалы всё же находились, они лишь скептически пожимали плечами. Эти вопросы и косые взгляды выглядели так, будто я изучаю какую-то редкую девиацию, что-то из ряда вон выходящее, что-то на грани приличия, а не то, что обязательно случится с каждым. Постоянно приходилось сопротивляться представлению о маргинальности избранного мной сюжета, доказывать, что эта тема не только допустима, но и является базовой для понимания нашего общества.

Несомненно, вытеснение похоронных практик из публичного пространства не уникальная черта только российского общества. Филипп Арьес полагал, что вытеснение смерти, или «перевернутая» смерть, является важнейшей чертой современности, которая «изгоняет смерть, если только речь не идет о выдающихся деятелях государства. Ничто не оповещает в городе прохожих о том, что что-то произошло. <...> Смерть больше не вносит в ритм жизни общества паузу. Человек исчезает мгновенно. В городах всё отныне происходит так, словно никто больше не умирает»³. Еще жестче эти изменения определяет Жан Бодрийяр: «...сегодня

³ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр.; под общ. ред. С. В. Оболенской; предисл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 455.

быть мертвым – ненормально, и это нечто новое. Быть мертвым – совершенно немыслимая аномалия, по сравнению с ней всё остальное – пустяки. Смерть – это антиобщественное, неисправимо отклоняющееся поведение. Мертвым больше не отводится никакого места, никакого пространства/времени, им не найти пристанища, их теперь отбрасывают в радикальную утопию – даже не скапливают в кладбищенской ограде, а развеивают в дым»⁴.

Однако, сравнивая похоронные практики крупных российских городов с тем, какое место занимает смерть в других индустриальных и постиндустриальных странах, можно увидеть, что там похороны в гораздо большей степени, чем у нас, продолжают быть вписаны в социальный контекст и в повседневность. Так, например, в некоторых штатах Америки правила дорожного движения отдельно регулируют действия водителей при встрече с траурным кортежем. Так же как при встрече с полицией, «скорой» или пожарными, водитель должен остановиться и пропустить похоронный кортеж, маркированный специальными лиловыми лентами. Во многих европейских странах городские газеты постоянно публикуют некрологи и извещения о смерти частных лиц, а объявления о смерти и похоронах вывешиваются не только на дверях дома, но и по всему району, где жил умерший. Ничего подобного нет в России уже на протяжении 100 лет.

Я полагаю, что истоки данной особенности современной похоронной культуры в России следует искать в советском периоде и она является не результатом случайного совпадения обстоятельств, а продуктом функционирования базовых концептов, лежащих в основе советского проекта в целом. Анализ практик обращения с мертвым телом в раннесоветский период может, таким образом, служить своеобразной линзой, фокусирующей широкий круг социальных, культурных, политических феноменов. Анализ советской похоронной культуры позволяет объяснить те из них, которые ранее казались исследователям непроницаемыми, странными, парадоксальными. Как я покажу ниже, то, что казалось результатом простой некомпетентности и глупости или идеологической оголтелости, социального дирижизма и зловещей манипуляции людьми, в действительности было некоторым набором внутренних черт советского проекта, которые структурировали его изнутри, заставляли развиваться в определенном направлении. Эти отличительные признаки советского проекта были связаны не столько с социалистической идеологией нового режима, сколько с принципиально новыми антропологическими константами, лежавшими в основании нового миропонимания, в соответствии с которым действовали большевики.

Утопический проект строительства нового общества предполагал формирование нового совершенного человека⁵, который будет свободен от изъянов, с которыми он жил в прежнем мире. Образ этого человека, который должен будет жить в прекрасном мире коммунизма, порождал новую интерпретацию человека, вокруг которой формировалось общество будущего или по крайней мере представление об этом обществе. Не будет преувеличением сказать, что важнейшей частью этой интерпретации было новое понимание человеческой смертности. Подчеркнуто атеистическое мировоззрение сторонников большевизма предполагало принципиально новое понимание факта конечности человеческой природы. Старые категории, базирующиеся на христианском представлении о бессмертии души, последующем воскресении из мертвых, были неприемлемы для нового режима, что вызывало необходимость переосмысления всего комплекса представлений о человеческом бытии, пусть даже новые идеи разделяло и меньшинство населения.

Новое понимание человеческого бытия и смертности было отнюдь не периферийной характеристикой социального порядка, создаваемого большевиками. В конце концов, сколь

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. С. 234.

⁵ Утопический советский проект стал предметом анализа многих исследователей. См., например: Stites R. Revolutionary dreams: Utopian vision and experimental life in the Russian revolution. New York: Oxford University Press, 1989; Слѣзкин Ю. Дом правительства. Сaga о русской революции. М.: АСТ: Corpus, 2019; Wood E. A. Wood. The baba and the comrade: gender and politics in revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

бы утопичными ни были идеи реформаторов, от факта физической конечности земной жизни каждого человека никуда не уйти, а Гражданская война и сопутствовавшие ей эпидемии постоянно напоминали об этом печальном факте. Впрочем, гораздо более важной является роль смерти как важнейшего общественного явления. Для того чтобы похоронная культура и практики обращения с мертвыми телами и их утилизации могли послужить для анализа и понимания советского общества, мы должны рассматривать смерть и смертные практики не с точки зрения метафизических представлений и не как набор частных семейно-родственных переживаний, а как социальный акт.

Рассматривая смерть и практики обращения с мертвым телом как социальное явление, я исхожу из положения, что смерть не только является прекращением биологической жизни, но и формирует набор базовых практик, определяющих и структурирующих поведение коллектива. Вслед за Робертом Герцем и Арнольдом ван Геннепом я предлагаю сосредоточить внимание на переходном характере похоронных обрядов. Наряду с другими переходными обрядами ритуалы обращения с мертвым телом не только и даже не столько обеспечивают успешный переход самого умершего в иной мир, сколько способствуют смене статуса тех, кто остался в живых. Каждый член общества, принимающий участие в обряде, таким образом не только вносит свою лепту в отделение умершего от общности живых, но и обретает вместе с тем новый статус, сначала связанный с ограничениями переходного периода (траур), а потом с успешной реинтеграцией в сообщество живых⁶. «Каждая перемена статуса человека при движении из группы в группу предполагает серьезную перемену в отношении общества к нему – перемену, которая происходит постепенно и требует времени, простого факта физической смерти недостаточно, чтобы смерть была spolна осознана: образ умершего всё еще остается частью существующего миропорядка и отделяется от него мало-помалу в ходе целой серии разлук. Мы не в состоянии сразу признать того, кто умер, мертвым: слишком сильно он слился с нами и слишком много мы вложили в него самих себя, да и жизнь в коллективе формирует связи, которые в один день не оборвешь»⁷.

Однако социальная сущность смертных практик этим не исчерпывается, поскольку смерть любого члена общества образывала прореху в ткани общественных отношений. С точки зрения Герца, смерть уничтожает не просто человека, но социальную сущность, созданную в процессе длительных отношений между людьми⁸. Эта сущность стала результатом долгой и кропотливой работы всего коллектива, поэтому общество, сталкиваясь со смертью одного из своих членов, не просто теряет одну из своих составных частей – смерть подрывает сами устои существования общества, для восстановления которых требуются усилия и время⁹. Группе нужны действия, чтобы сфокусировать внимание своих членов, чтобы направить работу их воображения в определенное русло, чтобы заставить их поверить в то, что общество может продолжать существование после этого вызова¹⁰. «Смерть как общественный феномен представляет собой двунаправленный и болезненный процесс медленного разрушения и синтеза. И лишь когда этот процесс завершен, социум, вновь обретя покой, может праздновать победу над смертью»¹¹. Смерть разрушает целостность общества, фрагментирует его, заставляет заново пересмотреть его и пересобрать как новую жизнеспособную сущность. Похоронные практики, таким образом, являются механизмом перманентной «пересборки» социальной ткани¹². Именно поэтому, «какой бы момент религиозной эволюции мы ни рассматри-

⁶ Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999. С. 134–150.

⁷ Герц Р. Смерть и правая рука / Пер. с фр. Ивана Куликова. М.: ARS PRESS, 2019. С. 165.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹ Герц Р. Смерть и правая рука. С. 177.

¹² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы эконо-

вали, понятие смерти всегда связано с понятием воскресения, а за изгнанием следует новая реинтеграция»¹³. Для социального сознания смерть является не одномоментным событием, а отдельным эпизодом социального процесса¹⁴.

Томас Лакер развивает идеи, высказанные в начале XX века ван Геннепом и Герцем. В своей работе, символически названной «Работа мертвых», он утверждает, что «смерти в культуре уделяется время, потому что требуется время для того, чтобы прореха в социальной ткани была залатана и чтобы мертвые выполнили свою работу по созданию, восстановлению, утверждению или же нарушению социального порядка, частью которого они были»¹⁵.

По мнению Лакера, именно практики обращения с мертвыми телами, забота живых о мертвых является признаком того, что мы как биологический вид вышли из природы в культуру, именно это является нашим базовым отличием от других видов¹⁶. Мертвое тело, полагает Лакер, имеет значение везде и всегда, вне зависимости от религиозных или идеологических обстоятельств, и даже при отсутствии каких бы то ни было убеждений вообще. Он полагает, что это фундаментальное значение мертвого тела в культуре обусловлено тем, что «живым нужны мертвые гораздо больше, чем мертвым нужны живые», потому что «мертвые создают социальные миры»¹⁷. Проводя постоянно эту работу, мертвые создают нашу цивилизацию¹⁸. Похоронный обряд и другие практики обращения с мертвыми телами являются наиболее консервативным элементом культуры, поэтому, когда в них происходят изменения, они всегда имеют какое-то значение – они свидетельствуют о внутреннем развитии общества, о том направлении, в котором оно движется, и о том, как меняется его самосознание¹⁹. Именно поэтому стремительные изменения практик обращения с мертвыми телами, произошедшие в раннесоветское время, так важны для понимания всего советского проекта и того, какие именно изменения происходили в обществе на самом глубинном уровне.

Смена доминирующего дискурса с христианского на марксистский радикально меняет и трансцендентные основания, лежавшие в основе представлений о человеке. Фридрих Энгельс, один из основоположников нового учения, так определяет сущность человеческой смерти: «Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека»²⁰. Но много ли людей, которые способны оставить после себя «принцип, который переживает все живые организмы»? По Энгельсу, вывод из этой посылки был очевиден: поскольку таких людей, способных оставить после себя «жизненный принцип», единицы, то для большинства смерть – лишь разложение физического тела на набор «химических составных частей», и тогда обряд похорон для них просто не имеет никакого смысла. Но что значит признать, что смерть человека – это тотальный конец? Как в таком случае прощаться с умершими? Зачем нужны похороны как таковые?

Ответ на эти вопросы не был простым даже для самых идейно выдержанных атеистов и большевиков. Писатель Викентий Вересаев посвятил поиску ответов на эти вопросы отдель-

мики, 2014. С. 18–20.

¹³ Герц Р. Смерть и правая рука. С. 159.

¹⁴ Там же. С. 155–177.

¹⁵ Laqueur T. W. The work of the dead: a cultural history of mortal remains. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2015. P. 10. Здесь и далее при цитировании иностранных источников перевод мой.

¹⁶ Ibid. P. 8–9.

¹⁷ Ibid. P. 1.

¹⁸ Ibid. P. 80.

¹⁹ Ibid. P. 93–94.

²⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 610–611.

ную работу. Ясно видя пропасть, которая открывается перед мыслящим человеком при отказе от традиционной трактовки похоронного ритуала, Вересаев выражается максимально прямолинейно:

Умирает человек. В прежнее время похоронный обряд имел совершенно ясный смысл. Люди собирались к гробу умершего, чтобы помолиться за упокой его души: сам труп представлял из себя нечто таинственное и священное, как храм, в котором жила бессмертная душа человека. А «храм оставленный – все храм». Для нас, в настоящее время, живой человек есть лишь известная комбинация физиологических, химических и физических процессов. Умер человек – данная комбинация распадается, и человек, как таковой, исчезает, превращается в ничто. Остается туша гниющего мяса. Какое к ней может быть разумное отношение? Такое же как при жизни человека – к его отбросам. Говоря словами кн. Андрея Болконского в «Войне и Мире», следует взять эту тушу за голову и за ноги и бросить в яму, чтоб она не воняла под носом. Как к отбросам, с отвращением, и относится к трупу всякая живая тварь, кроме человека. Мы же кладем это разлагающееся тело в ящик определенной формы, обтянутый красной материей, ставим у ящика почетный караул, сменяющийся через каждые десять минут (подумаешь, – нашли, что караулить!); для вящего почета несем до могилы, крихтя и обливаясь потом, тяжелый ящик на плечах, а сзади едут пустые дроги. Играет музыка. Для чего все это? Какой в этом смысл?²¹

Однако «работа мертвых», т. е. социальная роль практик обращения с мертвыми телами, бинарна. Для мертвых ее смысл заключается в обряде перехода из мира живых в мир мертвых. Христианский обряд, о котором писал Вересаев, тесно связан с представлением о бессмертии души, которая покидает тело умершего человека для того, чтобы продолжить свою жизнь в вечности. В то же время для живых похоронные практики играют важнейшую терапевтическую роль, помогая нам адаптироваться к ситуации утраты и, пережив ее, вернуться к прежней жизни. Вересаев, как и раннесоветские пропагандисты и публицисты, признает эту бинарность. Он призывает отказаться от первой части, связанной с идеей продолжения жизни за гробом, но сохранить терапевтическую роль обряда, насытив ее новым содержанием.

Однако опыт показывает, что обе эти функции похоронных практик тесно связаны и одна не работает без другой. Если отказаться от первой части, признать умершее тело лишь «тушей гниющего мяса», разрушится и вторая, терапевтическая составляющая похорон. Похоронный ритуал, даже исполненный в соответствии с лучшими его образцами в советской культуре, не приносит облегчения и успокоения. Вот как В. Вересаев описывает пустоту и фрустрацию от присутствия на «красных» похоронах:

Умерла старая партийная работница. <...> В большом Красном зале Московского Комитета РКП, на Большой Дмитровке, на красном возвышении среди огромного ковра стоял гроб. По углам ковра – четыре больших пальмы, вокруг их кадок – белые хризантемы. Вечер. Яркое электричество, тишина, пустой зал. Почетный караул. Это было красиво и величественно, – эти четыре неподвижно вытянувшиеся, строгие фигуры настраже останков умершего своего товарища. Гуськом, неслышно, вереницею посетители шли вокруг гроба и выходили обратно в ту же дверь. <...> Приходили новые друзья. Остановятся перед гробом, смотрят на покойницу. Потом отойдут, сядут у стены, как мы, и сидят, и смотрят. Нет сил так сидеть, в этом бездеятельном, ни

²¹ Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых: (к художественному оформлению быта). М.: Новая Москва, 1926. С. 6.

на что не отвлекаемом молчании. Чувствуется, – нужно что-то делать, нужно всем соединиться в каком-то общем, всех объединяющем деле, в чем-то, что дало бы выход теснящему сердце горю.

Так было весь вечер, и всю ночь, и весь следующий день, и всю следующую ночь. На третий день хоронили. <...> С десяти часов посторонних удалили из зала, последний час предоставлено было провести с покойницей ее друзьям и близким. И опять мы сидели в молчании, и не знали, что делать, и, не отрывая глаз, смотрели в лицо умершей. И еще сильнее чувствовалась потребность в чем-то, что дало бы выход тому, что было в душе²².

Хотя атеистические взгляды большевиков предполагали, что похоронный обряд можно легко очистить от религиозной составляющей, на практике оказалось, что просто и безболезненно удалить из него семантику, связанную с переходным характером похорон, невозможно. Оказалось, что при отказе от семантики перехода, лежащей в основе похоронного ритуала, исчезает вообще всякий смысл обращения с мертвыми телами. Одновременно и сведение похоронной культуры к набору санитарных мероприятий, что представлялось наиболее радикально настроенным большевикам естественным следствием реформы, также не могло решить все вопросы, связанные с переосмыслением духовных практик. Между тем основы мировоззрения большевиков не давали возможности предложить никакой альтернативной трактовки факта человеческой смертности и ее преодоления, кроме абстрактной «жизни в памяти потомков». Хотя эта суррогатная форма бессмертия получила большое развитие в советской массовой культуре, став, в частности, важнейшим основанием соцреализма в советской литературе²³, ее символического содержания явно не хватало для создания работающего похоронного ритуала для простого советского человека. Дизайн, символика и процедура похоронного ритуала оставались крайне редуцированными, выхолащенными, никакого адаптивного потенциала, связанного с травмой смерти, они не несли:

Пришли на кладбище, поставили гроб на краю могилы. И начались – речи. Обычное похоронное хвалебное пустословие. И тупо, пусто становилось в голове от этих речей. Народу было много, – все кругом чернело народом. И каждая речь как будто отшибала от могилы по волне; кончалась речь, – и люди толпами устремлялись прочь. Не могли достоять полчаса, – а ведь шли, не отставали, всю далекую дорогу! После последней речи у могилы осталась небольшая кучка ближайших друзей...

<...> А возьмите вы похороны уже самых рядовых, простых граждан: какое тут непроходимое убожество, какая серость и трезвость обряда! И какая недоуменная растерянность присутствующих! Приходят люди – и решительно не знают, что им делать. Чувство, которое привело их к гробу, остается неоформленным, путей для его проявления не дается. В лучшем случае – плохенький, полулюбительский оркестр и опять – речи. Но что же можно сказать такого, что действительно бы потрясло сердца, о рядовом враче, транспортнике или металлисте? Будет набор напыщенных и преувеличенных похвал, которые будут только резать ухо своею фальшивостью²⁴.

При всех попытках насытить этот новый ритуал смыслами, сделать его менее «фальшивым» с каждым поколением он приобретал всё больше и больше характер ритуала власти. Не находя удовлетворения в этом новом обряде, большая часть населения либо воспроизводила

²² Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. С. 9–11.

²³ Подробнее об этом см.: Clark K. The Soviet novel: history as ritual. Chicago: The University of Chicago Press, 1981.

²⁴ Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых. С. 10–11.

в той или иной форме части традиционного (православного, мусульманского, иудейского и т. д.) обряда, либо совершала ряд действий по утилизации тела, не сформированный в единый обряд. Для того чтобы практики обращения с мертвыми телами продолжали работать как эффективный механизм пересборки коллектива, травмированного утратой своей части, необходим консенсус, заставляющий людей бессознательно действовать тем или иным образом при столкновении со смертью. Однако за прошедшие 100 лет лакуна, возникшая в раннесоветскую эпоху вокруг и внутри осмысления смертельных практик, не только не была восполнена, но и увеличилась. Процесс десемантизации смерти затронул и высокоидеологизированные группы большевиков. Этот процесс, понимаемый как стремительная потеря традиционных смыслов, связанных со смертью, и медленное, постепенное формирование новой семантики смерти, начавшись в раннее советское время, продолжает быть актуальным до сих пор. Наша растерянность перед смертью отчасти обусловлена опытом десемантизации смерти – одним из ключевых процессов в истории советской смертности. Как отмечает Эткинд, состояние неопределенности и растерянности «разрушительно как для жизни выживших, так и для памяти о мертвых»²⁵. Мы не знаем, как надо обходиться не только с теми, кто умер сейчас, но и с теми, кто умер уже давно и даже очень давно. Это непонимание способствует бесконечным войнам памяти вокруг погибших в советский период – в Великой Отечественной войне, в ГУЛАГе и т. д. При отсутствии единой семантики смерти не происходит «пересборки» общества, ведущей ко всеобщему примирению и восстановлению общности живых.

Внутренний смысл смерти как социального процесса состоит в том, чтобы «пересобрать» коллективное тело после утраты одной из его частей, сформировать в его членах уверенность в том, что опасность миновала, функции социума восстановлены и жизнь продолжается. В этом смысле нет принципиальной разницы между похоронами как индивидуальным и коллективным обрядом. В обоих случаях это обряд перехода. По утверждению Дугласа Дэвиса, хотя смерть разрушает социальное бытие, связанное с конкретным индивидом, в ответ на это, создавая «успешное» сообщество мертвых, которое отражает общество живых, общество регулярно воссоздает само себя²⁶. Рассмотренная ниже история трансформаций ритуалов обращения с мертвыми телами показывает, что в Советской России старый обряд перехода был отвергнут как не соответствовавший новому пониманию человека, а новый не сформировался. Это говорит о том, что общество в целом не выработало механизм, который способствовал бы сохранению связи и воспроизводству социальных структур в ответ на угрозу, которую несет факт человеческой смертности.

²⁵ Эткинд А. Кривое горе = Warped mourning: память о непогребенных / Авторизованный пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 32.

²⁶ Дэвис Д. Дж. Роберт Герц: социальное торжество над смертью // Герц Р. Смерть и правая рука. С. 225–237.

Рядовая смерть: советский проект и повседневные практики обращения с мертвыми телами

Предметом моего исследования стали изменения практик обращения с мертвыми телами в довоенном СССР. Хотя я включаю в свой анализ некоторые факты из дореволюционной и послевоенной истории, основным фокусом моего внимания стал период между 1917 и 1940 годами, поскольку именно в это время происходили основные изменения, связанные с формированием нового миропонимания советского человека. Конечно, похоронная культура включает в себя гораздо более широкий круг практик, в том числе похоронные и поминальные обряды, артикулированные представления о смерти и посмертном существовании и т. д. Однако, говоря о роли новых представлений о смертности в советском проекте, я обращаюсь преимущественно к самым базовым практикам обращения с мертвыми телами и их утилизации, поскольку, на мой взгляд, именно этот круг практик в наибольшей степени испытывал влияние государства и был сформирован большевистскими представлениями о новом человеке и мире будущего. Это связано в первую очередь с тем, что из всего обширного комплекса похоронной культуры именно практики утилизации мертвых тел оказывались самыми доступными для государственного регулирования. Именно поэтому, как я полагаю, эти практики могут многое сказать о советском проекте в целом.

Рассматриваемый исторический период характеризуют сильные общественные и экономические потрясения, распад коллективных связей и быстрая деградация социальных структур. Эксцессы, спровоцированные потерей нормы, скачком социального насилия и сильнейшим социальным стрессом, не обошли и похоронную культуру. Однако целью моей работы является исследование нормативности советского проекта, поэтому я говорю о нормативных практиках обращения с мертвыми телами, оставляя в стороне те подчас экстремальные практики, которые были связаны с Гражданской войной, Второй мировой войной, эпидемиями, голодом и репрессиями. Несомненно, истории миллионов людей, погибших или пропавших без вести на полях сражений и в системе ГУЛАГа, похороненных чужими людьми в братских могилах вдали от дома, серьезно повлияли на советскую и постсоветскую культуру. Однако помимо этих смертей, ставших предметом изучения историков и отобразившихся в художественном творчестве, были и другие смерти – частные смерти обычных людей, умерших у себя дома или в больницах от старости, болезней и эпидемий. Эти смерти – естественный опыт, который переживает каждое поколение, жившее на земле, – не менее (если не более) важны для формирования похоронной культуры. Решение разнообразных вопросов, связанных с погребением близких родственников, которые вставали перед людьми в непростые раннесоветские годы, стало важнейшим опытом, сформировавшим современное российское общество не в меньшей степени, чем миллионы смертей насильственных. Именно вопросы, связанные с повседневными смертями от старости и болезней, становились основным предметом административного регулирования, и именно на этом материале мы можем видеть, какой видел новый режим похоронную культуру.

Советский проект в основе своей был глубоко модернистским и как следствие – урбанным. Преимущественно городская рабочая среда была основной аудиторией РСДРП(б) еще до 1917 года. Невзирая на риторику о «смычке города и деревни», большевики, придя к власти, не сильно изменили это положение. Всё городское и новое в советском дискурсе было прогрессивным, в то время как деревенское, традиционное было отсталым, полным дефектов и пережитков. К области пережитков относилась и вся похоронная культура, в том числе кладбища, как часть прошлого мира с его кривыми улицами, сточными канавами и лаптями.

Борьба с пережитками²⁷ традиционной культуры была важнейшей частью работы по созданию нового человека и общества. Именно поэтому в фокусе моего внимания находится не сохранение народных традиций²⁸, а процесс отхода от них. Я говорю о том, что происходит с похоронной культурой в городской среде, когда в результате растущей урбанизации смешивается городское и вчерашнее сельское население, а также о том, как изменяется похоронная культура в ситуации высокой социальной волатильности, когда люди оказываются за рамками привычной общинной и сословной жизни.

Советский проект по сути своей был интернационалистским и в некотором смысле наднациональным, не нацеленным на ту или иную конкретную национальную или этническую группу. Для людей, разрабатывавших и проводивших в жизнь похоронные реформы 1920-х годов, этническая специфика похоронной культуры не имела никакой ценности, а вводимые инновации должны были разрушить имеющиеся различия. Однако, несмотря на наличие среди чиновников Наркоматов здравоохранения, просвещения, коммунального хозяйства, Моссовета и Петросовета (Ленсовета), публицистов, пропагандистов и т. д., людей самой разной этнической и конфессиональной принадлежности, общая риторика при обсуждении похоронных реформ отсылала к обобщенному образу «русских похорон». В то же время большая часть имеющегося у меня материала касается Москвы и Петрограда (Ленинграда), подавляющее большинство населения которых к 1917 году состояло из русских православного вероисповедания. Несмотря на ограниченность материала, отдельные сведения по регионам с доминированием других этнических и конфессиональных групп говорят о том, что ситуация там не отличалась принципиальным образом от ситуации в Москве или Петрограде (Ленинграде). Поэтому, признавая всю условность и ограниченность такого подхода, я буду говорить в основном о русском населении, традиционно исповедовавшем православие. В контексте, подразумевающим отношения государства с религиозными конфессиями, я обычно использую слово «Церковь», как правило имея в виду не конкретно православную церковь, а в первую очередь церковь как социальный институт.

²⁷ Алымов С. С. Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 261–287.

²⁸ Погребальная обрядность в традиционной культуре – давно исследуемая и хорошо изученная тема. О погребально-поминальных традициях у восточных славян см., например: Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 100–122; Похоронно-поминальные обычаи и обряды / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: ИЭА РАН, 1993; Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.

Похоронная реформа 1918 года

Изменения различных практик обращения с мертвыми телами происходили постепенно и неравномерно на протяжении всего советского периода. Однако, какими бы ни были эти изменения, все они имели общую точку отсчета. Триггером этих изменений стала похоронная реформа 1917–1918 годов, в основу которой легли несколько декретов, которые так или иначе были направлены не столько на изменение похоронных практик, сколько на секуляризацию семейной жизни.

Похоронный обряд, как и другие обряды жизненного цикла, в России до революции находился всецело в руках религиозных организаций. Как отмечает А. К. Байбурин, вероисповедание в Российской империи вообще было одной из важнейших социальных характеристик и уж точно имело большее значение, чем этничность²⁹. Каждый человек должен был быть погребен в соответствии с правилами той конфессии, к которой он был формально приписан. Влияние религиозных общин распространялось не только на само погребение, но и на администрирование похорон, управление кладбищами, и, конечно же, сами общины распоряжались доходами от погребений. Помимо того, что Церковь осуществляла непосредственно отпевание, захоронение и надзор за кладбищами, она также ведала регистрацией смертей. Таким образом, похоронить человека (равно как и зарегистрировать новорожденного или жениться) без участия религиозного института было невозможно. В этом смысле быть «практикующим» атеистом, в буквальном смысле «внерелигиозным» человеком, в дореволюционной России было формально невозможно. Подробнее об этом будет сказано ниже.

По мнению социолога Тони Уолтера, конкретная форма, которую принимает похоронная культура в той или иной стране, определяется именно архитектурой управления погребением (или тем, кто контролирует и утилизирует мертвые тела)³⁰. В дореволюционной России мертвые тела в этом смысле полностью принадлежали Церкви, и именно этот факт определял структуру похоронной культуры и обуславливал конкретный набор практик обращения с мертвыми телами. Именно на преодоление этого «поповского диктата» и была направлена атеистическая работа, связанная с похоронами. Так, в марте 1917 года В. Д. Бонч-Бруевич писал:

Само собой понятно, что из этой основной реформы (государственной реформы отделения церкви от государства и школы от церкви. – А. С.) должны вытекать давножданые свободомыслящими людьми гражданский брак³¹ и гражданские похороны. <...> Хоронить наших покойников мы также можем гражданским порядком на любом из кладбищ без участия духовенства. Желаящие же могут хоронить по-старому, с духовенством, но обязательность таких похорон должна быть отменена совершенно³².

²⁹ Как отмечает А. К. Байбурин, именно информация о вероисповедании, наряду с указанием родного языка, заносилась в паспортные данные до революции, что существенно отличалось от советской системы, в которой важнейшей социальной характеристикой стала национальность, а соответствующая графа в паспорте – «пятый пункт» – стала метафорой обозначения национальности. См.: Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 55–56, 216–219.

³⁰ Walter T. Three ways to arrange a funeral: mortuary variation in the modern West // *Mortality*. 2005. № 10 (3). P. 173–192; *Idem*. Why different countries manage death differently: a comparative analysis of modern urban societies // *The British Journal of Sociology*. 2012. № 63 (1). P. 123–145.

³¹ Под гражданским браком здесь Бонч-Бруевич понимает отношения, зарегистрированные не в Церкви (церковный брак), а в гражданском институте, таком как ЗАГС.

³² Бонч-Бруевич В. Д. Отделение церкви от государства // Деятели Октября о религии и церкви (Статьи. Речи. Беседы. Воспоминания). М.: Мысль, 1968. С. 13.

Первым из декретов, косвенно касавшихся практик обращения с мертвыми телами, стал Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния от 12 декабря 1917 года, который провозглашал создание в Советской Республике новой системы регистрации «актов гражданского состояния», т. е. браков, рождений и смертей. Главным и самым важным отличием новой системы от старой стало то, что факт смены семейного статуса теперь должны были регистрировать не церковные, а светские власти – «отделы записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе». Наряду с созданием системы гражданской (т. е. нецерковной) регистрации браков и рождений декрет предписывал передачу регистрации смертей «органам ЗАГС». Акты о смерти должны были регистрироваться в специальных книгах. Ранее эта функция входила в число обязанностей религиозных организаций. После издания декрета они обязаны были передать старые регистрационные книги в соответствующие городские, уездные, волостные и земские управы.

В первой строке декрета, предварявшей основные статьи, декларировалось: «Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки». Декрет не просто создавал возможность для совершения любых семейных обрядов вне какой бы то ни было религиозной организации, но делал светскую их форму – регистрацию – единственной легальной. Естественным образом это делало бессмысленным деление кладбищ в соответствии с конфессиональной принадлежностью погребенных на них. Ни отметка о совершенном отпевании, ни принадлежность к конкретной конфессии или приходу более не имела значения – «учреждениям, ведающим кладбищами, отныне запрещается препятствовать погребению в черте кладбищ по обряду гражданских похорон»³³.

Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля) 1918 года подтверждал, что акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью. Уточнялось, что «действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями», а «свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики»³⁴.

Наиболее значимой частью похоронной реформы стал декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 года. Декрет отменял разряды мест погребения, передавал все кладбища, крематории³⁵ и морги, а также саму организацию похорон в ведение местных Советов, отменял оплату мест на кладбищах, устанавливал одинаковые похороны для всех граждан. При этом отмечалось, что религиозные обряды могут совершаться по желанию родственников и за их счет. Декрет еще раз подтверждал необходимость регистрации факта смерти в органах ЗАГС и делал невозможным погребение без выписки о регистрации. Не менее важным было и то, что с момента публикации декрета все частные похоронные предприятия, не прекращая своей деятельности, со всем их аппаратом, переходили в ведение местных Советов депутатов. Таким образом, всё похоронное дело в стране муниципализировано.

³³ Декрет СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Подгот. к печати д-р ист. наук проф. С. Н. Валк и др. С. 249.

³⁴ Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Подгот. к печати д-р ист. наук проф. С. Н. Валк и др. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 372. Интересно, что в оригинале декрета, подписанном членами СНК, в статье 8 органы, регистрирующие гражданское состояние, обозначены как «отделы записи рождений, браков и смерти», но последнее слово вычеркнуто. Опубликован документ был с учетом данного исправления – без слова «смерти». Впрочем, на практику применения декрета это не оказало влияния, и регистрацией смертей занимались соответствующие гражданские органы. См. факсимильную копию декрета: Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории. URL: http://www.100dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0010_kir&object=facsimile&st=&l=ru.

³⁵ В этот момент на территории РСФСР не было ни одного крематория.

лось. Декрет вводил похороны в систему социального страхования, перекладывая таким образом расходы на погребение трудящихся на плечи государства, которое должно было выплачивать пособия на погребения³⁶.

Таким образом, похоронная реформа имела сразу несколько целей. Во-первых, она предполагала лишение Церкви и других «буржуазных» институтов юридического и фактического контроля над мертвыми телами. Созданная система отделов ЗАГС переводила регистрацию смертей в ведение местных Советов, а в результате муниципализации похоронных бюро, кладбищ, моргов и иных инфраструктурных объектов к ним переходил контроль за практическими аспектами погребения. Вследствие такого решения не только появлялась юридическая возможность для безрелигиозных похорон, но и существенно перераспределялись финансовые потоки, и Церковь лишалась важного источника дохода от совершения треб. Во-вторых, реформа имела целью сделать похороны единообразными и доступными для всех, поскольку не только уничтожала деление погребений на разряды, но и вводила пособия на погребение. Вместе с другими социальными услугами, такими как обеспечение рабочими местами, жильем, медицинским обслуживанием, похороны оказывались в числе «благ по умолчанию» для всех трудящихся страны³⁷. Третьим следствием реформы была легализация и введение кремации, проект, который систематически блокировался Синодом до революции³⁸.

³⁶ Декрет СНК о кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 4: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. С. 163–164.

³⁷ Об уравнительном характере декрета см. также: *Паперный В.* Культура Два / Предисл. Вяч. Вс. Иванова. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 116.

³⁸ *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 537.

Похоронные реформы в Европе в XVIII–XIX веках

Идея полностью реформировать устоявшиеся практики обращения с мертвыми телами может показаться несколько экстравагантной, хотя и отражающей общий революционный пафос большевистского движения. В действительности ни сама по себе похоронная реформа, ни попытка секуляризации похоронной сферы не были уникальными ни в российской, ни в мировой истории.

Постепенное реформирование похоронной культуры происходит во всех странах Западной Европы начиная с XVIII века. Хотя этот процесс был крайне неоднородным, в целом во всех странах он имел общее направление и сходные источники.

Вплоть до XVI века во всех христианских странах местом погребения служило прежде всего приходское кладбище³⁹. Однако уже в раннее новое время ситуация постепенно меняется. Кладбища начинают медленно переноситься за пределы церковной ограды. Размышляя над изменением похоронной культуры этого периода, Сергей Мохов отмечает, что в западноевропейской культуре эти процессы были инициированы новым миропониманием, которое принесла Реформация: «Это становится возможным потому, что в протестантизме происходит пересмотр самого понятия святости (ее источника) и сакрального пространства. В протестантизме храмом является, по сути, любое физическое пространство, где собираются люди для того, чтобы прочесть Слово Божие: протестантизм переносит акцент на человека вместо предметов и мест отправления культа. Таким образом, церковная ограда утрачивает свой сакральный статус: отныне покойника можно хоронить не только в границах освященного храмового пространства»⁴⁰. Тогда же под влиянием усиления роли нуклеарной семьи в противовес общине изменяется и внешний облик кладбищ. Захоронения становятся более ухоженными и регулярными.

Хотя определенные изменения появляются еще в XVI–XVII веках, до середины XVIII века большинство кладбищ оставалось под надзором церковных институтов и физически находилось всё еще внутри городов⁴¹. Постепенный или резкий выход похоронного дела из-под церковного контроля, так же как и перенос кладбищ за городскую черту, был связан с целым рядом причин, наиболее существенной из которых стало новое отношение к человеческой телесности. Тело человека перестает восприниматься как временное вместилище бессмертной души, как особый объект, имеющий Божественную природу, в отличие от тел животных. Человек начинает осмысляться и изучаться в одном ряду с другими живыми существами. И если тело человека не является уникальным, то и смерть человека больше ничем не отличается от смерти любого другого существа. Само тело начинает осмысляться преимущественно в терминах медицины, а не богословия, как это было на протяжении предыдущих столетий. Медикализация смерти, осознание ее в первую очередь как медицинского факта достигает апогея в эпоху Просвещения, когда мертвое тело начинает устойчиво восприниматься прежде всего как источник заразы и эпидемий. Растущее гигиеническое недоверие к мертвому телу становится важнейшим триггером переноса кладбищ за городскую черту⁴².

Урбанизация и начало промышленного переворота также внесли свою лепту в изменение общественных практик обращения с мертвыми телами. Растущая плотность населения в городах приводила к эпидемиям, росту смертности и всё большей перегруженности старых

³⁹ Laqueur T. W. The work of the dead. P. 151.

⁴⁰ Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. С. 45.

⁴¹ Там же. С. 81.

⁴² Там же. С. 50.

некрополей. Когда-то расположенные на городских окраинах, они постепенно были поглощены новыми городскими районами и не имели возможности расширяться. Церковные погосты, которые даже в городах носили общинный характер, перестали справляться со своими функциями.

Повсеместно в Европе кладбища начинают переноситься за городскую черту со второй половины XVIII века. В то же время появляются муниципальные кладбища, управление которыми осуществляет город, а не Церковь. С 1745 года парламент Парижа предписывает открывать новые кладбища только за городской чертой, в 1784 году муниципальное кладбище появляется в Вене. Иногда эти изменения отражаются даже в языке. Например, в английском языке старые кладбища, расположенные внутри церковных оград, обозначаются как *churchyard*, а новые, расположенные за городом или просто вне церковной территории, – *cemeteries*⁴³.

Изменения, происходившие в разных странах одновременно и в разной форме, были связаны преимущественно с появлением государственного регулирования похоронного дела. Во всех странах проведение похоронных реформ наталкивалось на жесткое сопротивление Церкви, которая на протяжении столетий выполняла функцию утилизации мертвых тел. Но в изменившемся обществе простое механическое воспроизведение старых похоронных традиций оказывалось невозможным. Чаще всего причиной этого становились социальные потрясения и различные драматические события, в ходе которых Церковь переставала справляться с этой функцией так же хорошо, как раньше. Речь в первую очередь идет о резком изменении территориальной и временной динамики смертности в Европе, иными словами – о таких изменениях, в результате которых в определенные временные отрезки в одном и том же месте вдруг начинало умирать существенно больше людей. Причиной этого могли быть войны, социальные конфликты, эпидемии, а также интенсивная урбанизация, сопровождавшая индустриальную революцию. В новых условиях имеющаяся инфраструктура не справлялась с утилизацией мертвых тел и требовалось срочное реформирование похоронного дела, однако Церковь была не в состоянии его произвести. Правительства разных стран постепенно принимали законы, которые должны были упорядочить похоронное дело, вывести кладбища за пределы городов и ввести санитарный надзор за погребением. Все эти законы ограничивали, хотя и в разной мере, контроль Церкви над похоронами. Во Франции толчком к проведению реформ становится Великая французская революция, в Англии – эпидемии и резкая урбанизация, в Германии – Реформация и Первая мировая война⁴⁴.

Результатом этих изменений стала, с одной стороны, постепенная секуляризация практик обращения с мертвым телом, а с другой – возникновение похоронного дела как отдельного института и его профессионализация. В то же самое время возрастает интерес к кремации, которая в течение второй половины XIX века легализуется в большинстве европейских стран.

Этот процесс продолжался во всем западном мире на протяжении XVIII–XX веков и способствовал созданию нового социального порядка. Как отмечает Томас Лакер, «те, кто в XVIII, XIX и XX веках изменил то, как хоронили и именовали мертвых, или кто выступал за сжигание их в высокотехнологичных печах, ощущали себя вовлеченными в процесс разрушения мира, который они унаследовали от Средневековья и сражений Реформации, и строительства нового мира». Этот процесс носил дуальный характер. «С одной стороны, они воплощали в жизнь разрушительный проект, стремясь уничтожить единство обширной некрогеографии и сокрушить поддерживающие ее институты, которые Церковь навязала, в частности, Европе.

⁴³ Laqueur T. W. The work of the dead. P. 153, 234.

⁴⁴ Trompette P. The politics of value in French funeral arrangements. Three types of moral calculation // Journal of Cultural Economy. 2013. Vol. 6 (4). P. 373–374; Ozouf M. Festivals and the French Revolution / Transl. by A. Sheridan. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1988; Jupp P. C. From dust to ashes: cremation and the British way of death. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, UK; New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 19–45; Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии / Пер. с англ. В. А. Третьякова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 37.

Ощущая мертвых основой Церкви и ее могущества, они полагали, что лишение клерикального контроля над мертвыми ослабило бы институциональную власть религиозных организаций и расчистило бы почву для чего-то нового. С другой стороны, было множество созидательных программ: мертвых можно было задействовать при образовании новых мемориальных общин, при установлении нового гражданского порядка или при выдвижении определенных политических или социальных требований. Всё это стало возможно – христианская революция, частичная отмена ее результатов и создание чего-то нового – именно благодаря тому, что долгое время удавалось задействовать мертвых. Мертвые обладают влиянием в современную эпоху, потому что они влияли на реализацию других проектов в другие эпохи в течение длительного времени (*longue durée*)»⁴⁵.

⁴⁵ *Laqueur T. W. The work of the dead. P. 93.*

Нормативное регулирование и похоронные реформы в Российской империи

Аналогичные процессы происходили и в России. Как и многие другие изменения, первые реформы похоронного дела были связаны с Петром I, до которого похоронное дело находилось вне всякого государственного регулирования, а все захоронения осуществлялись на переполненных приходских или монастырских кладбищах. Как и в других случаях, Петр стремился приблизить российские реалии к европейским. Указы 1722 и 1723 годов предписывали устраивать новые кладбища не около приходских храмов, как это делалось раньше, а «по европейскому образцу» – за городом в сухих местах. Старые кладбища должны были быть закрыты, а могильные камни с них следовало использовать на «всякое строение». В целях экономии древесины предписывалось делать гробы из пиленых досок и запрещалось выдалбливать гробы-колоды. Хотя кладбища и другое похоронное имущество продолжало находиться в руках Церкви, духовных управлений и национальных общин, Петр впервые ввел светский ритуал погребения – особый церемониал похорон военных и государственных деятелей, включавший почетный караул, духовой оркестр, прощальный салют. Тело покойного в этом случае не несли на руках и не везли на саних, а водружали на специальный катафалк-колесницу⁴⁶.

Очевидно, проблема переполненности старых приходских кладбищ не была решена указами Петра, поскольку аналогичные указы об их закрытии, уничтожении и открытии новых кладбищ за пределами городов издавались позже, при Елизавете в 1748 году и при Екатерине в 1771 году⁴⁷. Рост городов и миграционные процессы в результате Русско-турецкой войны 1768–1774 годов обнажили санитарные проблемы, связанные с похоронным делом. С 1771 года Синод запрещает хоронить на приходских кладбищах во всех городах России. В городских пределах на территории соборов, монастырей и крепостей можно хоронить лишь духовенство, выдающихся светских особ и военачальников. Так же как и 150 лет спустя после прихода к власти большевиков, старые кладбища должны были быть закрыты для захоронения и перепланированы в площади и скверы, обнесены оградами и обсажены деревьями, но на практике на территории многих из них появились жилые дома и дороги. Взамен закрытых кладбищ создаются новые – на выгонных землях близ городских границ. Указ Сената 1771 года предписывал располагать новые кладбища на расстоянии не менее 100 саженей (213 метров) от последнего жилого строения в городе. Этот же указ предписывал обносить все кладбища забором или земляным валом «для удержания скотины, чтоб она не могла заходить на кладбища, лучше поделать около вала рвы поглубже и пошире»⁴⁸.

Новые кладбищенские пространства отражали изменившиеся общественные отношения и образ жизни живых людей. Они имели геометрическую планировку, ровные дорожки и аллеи, колодцы и фонтаны, туалеты. Они гораздо больше напоминали современные им города, чем старые погосты. В центре располагались храм и дома причта, при входе – богадельни. Между могилами пролегла сеть дорожек-улиц. «Деление могильной земли по стоимости на разряды уподоблялось стоимости участков под строительство в настоящем городе – чем ближе к центру, тем дороже. Выработалась и иерархия мест захоронения, начиная от алтаря и кончая границами кладбища»⁴⁹.

⁴⁶ Всё о проводах в последний путь...: Справочник-энциклопедия / Сост. и ред. Александр Сазанов. СПб.: Издательство Александра Сазанова, 2012. С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 18–19.

⁴⁸ Там же. С. 17–19.

⁴⁹ Там же. С. 20–21. В конце XIX века валы и рвы вокруг кладбищ были ликвидированы и заменены коваными оградами или заборами.

Следующим этапом государственного регулирования стала унификация тарифов на погребение. Хотя сами принципы иерархии тарифов и мест захоронения были общими для всех кладбищ страны, конкретные расценки зависели от решения приходских служащих. При этом цены на отдельных кладбищах, преимущественно монастырских, достигали невероятных размеров. В 1834 году было опубликовано «Повеление императора Николая I о цене на могилы», которое должно было решить эту проблему и унифицировать тарифы в городах империи. В действительности решение вопроса затянулось на несколько лет – только в 1841 году Святейшим синодом было издано «Положение по благоустройству православных кладбищ», в соответствии с которым все участки на кладбищах были разделены на фиксированные разряды. Этот документ определял также предельно допустимые тарифы на погребение по каждому разряду. «Положение» разделяло земли на монастырских кладбищах на 5, а на городских – на 7 разрядов, престижность и стоимость которых зависела от удаленности участка земли от храма и центра кладбища. Первые два разряда не имели фиксированных цен, поскольку «во внеурядных местах плата от 100 руб. и дороже». К ним относились участки у храмов. 3-й разряд стоил 20 рублей, 4-й – 10 рублей, 5-й – 5 рублей, 6-й – 50 копеек, 7-й – бесплатно. Он предоставлялся для захоронений умерших в тюрьмах, больницах, богадельнях и самых бедных жителей. Бесплатно на могиле можно было установить только простой деревянный крест, остальные надгробные памятники также имели свою тарифную сетку. Этот принцип тарификации просуществовал в России до самой реформы 1918 года⁵⁰.

Оплата по этим тарифам не была только платой за услугу, а скорее выступала в качестве паевого взноса, связывавшего родственников покойного институциональными отношениями с администрацией конкретного кладбища. Эти отношения закреплялись в удостоверении о погребении, выдаваемом администрацией кладбища, в которое вносился регистрационный номер погребения, имя покойного, дата похорон и разряд погребения. Акцизная марка, которая клеилась на удостоверение, легитимировала эти отношения. Взнос, который делали родственники умершего в кассу кладбища, регулировал участие, ответственность и обязанности сторон по уходу за захоронениями и поддержанию кладбища в должном виде. В обязанности вкладчиков (т. е. родственников) входило следить за сохранностью памятников и оград на могилах. После того как памятник ветшал и приходил в негодность, администрация кладбища снимала с себя ответственность по уходу за захоронением и могла производить новые захоронения на нем. Таким образом, договор действовал лишь до тех пор, пока родные интересовались погребением⁵¹.

Вносившаяся при погребении плата фиксировала срок, в течение которого персонал кладбища брал на себя заботы по уходу за могилой. Все отношения между родными покойного и персоналом кладбища вместе с обитателями строений на нем (могильщиками, сторожами, рабочими и прислугой, богаделками⁵²) могли осуществляться лишь через кладбищенскую контору. Запрещалось также привлекать к работам на кладбище третьих лиц, т. е. независимые конторы, без согласования с администрацией. Даже для того, чтобы собственноручно благоустроить могилы своих близких, например «теплить на них лампы, очищать от мусора, украшать цветами, приобретенными на стороне», необходимо было уведомить контору кладбища и действовать в соответствии с ее указаниями⁵³.

⁵⁰ Всё о проходах в последний путь... С. 20–21; Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. С. 81–82.

⁵¹ Всё о проходах в последний путь... С. 20–21.

⁵² Богадельки – жилища богаделен, приютов для нищих, больных, оставшихся без средств к существованию. В богадельнях, располагавшихся на кладбищах, часто жили пожилые представители духовенства и их родственники и родственницы, которые участвовали в уходе за кладбищами.

⁵³ Всё о проходах в последний путь... С. 20–21.

Таким образом, погребальные тарифы, распределенные по разрядам, были не просто сборами, но оформляли отношения, в соответствии с которыми родственники передавали часть прав на захоронение администрации кладбища. Последнее, в свою очередь, брало на себя заботы по уходу за могилами и устанавливало монополию на производство работ и единолично получало доход от них. При этом полученные доходы распределялись таким образом, что покрывали работы на бесплатные захоронения, общее благоустройство кладбищ; также от них производились отчисления на сирот и бедных духовного звания⁵⁴.

Через 16 лет после унификации тарифов на погребение произошла общая кодификация похоронного законодательства, которое составило 5-ю главу Устава Врачебного в редакции 1857 года. В целом Устав обобщал предыдущие разрозненные указы о содержании кладбищ, предписывая открывать кладбища за городом, отдельно для православных и представителей иных конфессий. Кладбища должны были быть огорожены насыпью и рвом, иметь церкви или часовни. Устав отдельно прописывал, что «кладбища при каждом городе устроятся общим иждивением обывателей его», подчеркивая таким образом тот факт, что кладбищенское дело является общим благом, а значит, их состояние зависит от участия каждого из членов общества. Устав также определял необходимую глубину могил, расстояние между ними⁵⁵. Впоследствии с небольшими изменениями этот Устав переиздавался в 1899 и 1905 годах. Устав 1905 года уточнял, что участки, отведенные под кладбища, не могут быть использованы для других целей, а старые, опустевшие кладбища не могут быть использованы под застройку или сельскохозяйственную деятельность⁵⁶.

Таким образом, сложилась система нормативного регулирования, в соответствии с которой все практики обращения с мертвыми телами оказались разделены между несколькими акторами. Родные умерших, совершая погребение на том или ином кладбище, вносили взносы в его пользу, становясь его членами-пайщиками. Духовные власти владели кладбищами, в их ведение входил уход за ними, выдача разрешений на погребение. Доход от погребений шел на содержание причта кладбищенского храма (настоятеля, дьяконов), работников кладбища (писаря, могильщиков, сторожей, садовника, уборщиков) и благоустройство территории кладбища. Сама же кладбищенская земля принадлежала городу или общине. Вопросы об устройстве, планировке, расширении кладбищ решались губернаторами. Ремесленная управа выдавала разрешения на изготовление похоронных принадлежностей. К середине XIX века стало ясно, что духовные власти мало пекутся о порядках на некрополях и большая часть забот ложится на владельцев кладбищенской земли – городские власти – думу или управу. Размеры каждого кладбища, прирезка к нему земли находились в ведении губернаторов, которые должны были согласовывать свои действия с епархиальным советом и получать разрешение Министерства внутренних дел. Для помощи в надзоре за старыми и большими кладбищами с середины XIX века стали вводить кладбищенские попечительства, занимавшиеся сбором средств и обустройством некрополей. Эти попечительства брали на себя часть функций духовного ведомства: уборку территории, оплату работы служащих, вместе с духовенством они выдавали разрешения на захоронение. Попечительства действовали и как похоронные агентства, возлагая на себя все хлопоты по устройству похорон. При кладбищах также часто находились

⁵⁴ Всё о проводах в последний путь... С. 20–21.

⁵⁵ Устав медицинской полиции // Свод законов Российской империи. СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. 13: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. С. 158–162. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388226/#page/3/mode/1up> (дата обращения: 09.03.2021).

⁵⁶ Устав Врачебный изд. 1905 г. и по прод.[олжениям] 1912 и 1913 г. г., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / Сост. Л. А. Колычев. Пг.: Издание юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1915. С. 272–281.

богадельни, в которых проживали от 5 до 30 человек, в основном престарелых священников, их вдов и просто пожилых женщин⁵⁷.

На вторую половину XIX века в России приходится бурный промышленный рост и, как следствие, ускорившаяся урбанизация. Тысячи семей перебираются в быстро растущие города, отрываются от общинного образа жизни и полностью меняют свою жизнь. В Западной Европе эти события происходили значительно раньше, существенно изменив похоронное дело и его нормативный статус. Теперь те же процессы коснулись и России. Города росли, с притоком в них населения росла и абсолютная смертность⁵⁸. Старые кладбища, лишённые возможности расширять свою территорию, переполнялись, оставаясь при этом в пределах старых городов. Их санитарное состояние ухудшалось. Кладбища в конце XIX века «были крайне запущены. За деньгами, которые получала церковь за погребальную деятельность, никто не следил. Часто кладбища были переполнены, могилы хаотично раскиданы по территории, список захороненных людей велся неаккуратно»⁵⁹. Даже в столице империи, Санкт-Петербурге, состояние кладбищ было удручающим. Мария Львовна Казем-Бек, урожденная Толстая (1855–1918), начальница Института благородных девиц в Казани и Санкт-Петербурге, дневниковые записи которой охватывают последние десятилетия XIX и начало XX века, вспоминала:

Митрофаньевское кладбище громадно; мы шли версты полторы или две, прежде чем достигли могилы, приготовленной для Саши, и в течение всего пути, куда бы ни обращался наш взор, всюду мы видели только одинаковые деревянные кресты и маленькие кучки земли, возвышающиеся над водой... Быть похороненной на таком кладбище – все равно что быть брошенной в болото, утонуть в грязной воде, исчезнуть в бесконечном множестве могил... Отыскать знакомый крест почти нельзя...⁶⁰

Причины ужасающего антисанитарного состояния большинства кладбищ даже в крупнейших городах страны крылись в сложной и неоднозначной системе администрирования. Введенное ранее разделение сфер ответственности между церковными и гражданскими властями к концу XIX столетия, с ростом городов и изменением поведения их жителей, становилось фактором скорее деструктивным, тормозящим и разрушительным. Кроме того, в это же время стремительно развивалось частное похоронное дело, которое к концу XIX века превратилось в сильный самостоятельный экономический институт и интересы которого вступали в конфликт с интересами кладбищенских служащих, стремившихся к удержанию монополии на управление кладбищами и их благоустройство. Решение проблемы предполагало диалог между городскими и церковными властями, а также частными похоронными ремесленниками. Но в таком диалоге Церковь была заинтересована менее всего.

По общему мнению, захоронения на кладбищах служили средством обогащения клира кладбищенского храма, который умело его использовал и приумножал. Так, например, в предисловии к монументальному компендиуму «Русский провинциальный некрополь», созданному по заказу великого князя Николая Михайловича, говорится: «Эти правила (правила, установленные церковной кладбищенской администрацией. – А. С.), „всецело направленные лишь к тому, чтобы получить как можно более денег с публики при всяком случае“, предупреждают, что „могилы с крестами и памятниками сохраняются до 30 лет“, а затем продаются (так прямо

⁵⁷ Всё о проводах в последний путь... С. 17–18.

⁵⁸ Под абсолютной смертностью понимают общее число умерших за определенное время, под относительной – число умерших относительно общего числа жителей; как правило, показатель относительной смертности рассчитывается на 1000 жителей.

⁵⁹ Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. С. 200.

⁶⁰ Запись в дневнике М. Л. Казем-Бек 28 апреля 1892 года: *Казем-Бек М. Л. Дневники*. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016. С. 165–166. Здесь и далее при цитировании дневников все даты даны в соответствии с источником, без унификации по новому стилю.

и сказано) другим лицам, если только их не будут посещать родственники погребенных и служить по ним панихиды, обращаясь для этого к кладбищенскому духовенству»⁶¹.

Подобный подход клира кладбищенского храма был следствием тех отношений между родственниками умерших и конторой кладбища, которые были описаны выше. Паевое участие родственников в делах кладбища предполагало, что именно кладбищенский персонал является основным актором благоустройства кладбищ, удерживающим монополию на производство работ и получающим доход от них. Однако с момента унификации тарифов на погребение обстоятельства существенно изменились. Если в середине XIX века никто не посягал на эту монополию, она устраивала всех, то уже к 1880-м годам как светские власти, так и частные предприниматели были заинтересованы в перестройке всей системы.

В 1887 году Московской городской думой была образована «Комиссия для рассмотрения вопроса об устройстве новых кладбищ и об участии города в надзоре за правильным производством погребений и всех вообще вопросов, относящихся до упорядочивания кладбищ, существующих в Москве». Комиссия не инициировала существенных изменений в похоронном деле, но зафиксировала проблемы состояния кладбищ второго по величине города империи:

Комиссия нашла, что кладбища неблагоустроены, не имеют плана захоронения, содержатся не в должном порядке, хотя кладбища имеют значительные доходы, которых было бы достаточно на покрытие, чтобы содержать их в порядке. На четырех кладбищах, а именно на Даниловском, Пятницком, Лазаревском, Миусском, 7 разряда, предназначенного для бесплатного погребения беднейших жителей гор. Москвы, не существует. Некоторые кладбища, как например, Даниловское, весьма переполнены. <...> Вместе с тем комиссия признала, что Гор. Управление не может принять самостоятельно какие-либо меры для упорядочения кладбищ, ибо они не находятся в его заведывании, обратила внимание на отсутствие санитарного надзора и находила желательным устройство новых кладбищ Город. Управлением⁶².

Рассмотрев доклад комиссии, дума ходатайствовала перед правительством о подчинении всех кладбищ Москвы столичному санитарному надзору, а также о том, чтобы средства, собираемые конторами кладбищ, тратились на их благоустройство. Часть кладбищ была признана комиссией переполненными, однако городская дума отклонила ходатайство об их закрытии. Комиссия, таким образом, стремилась, с одной стороны, ввести внецерковный санитарный контроль за состоянием кладбищ, а с другой – обязать духовенство значительно больше заботиться о порядке и внешнем виде кладбищ. В конечном счете церковным властям было предписано обнести кладбища «приличными оградами», провести размежевание территорий, проложив дорожки и обозначив зоны с разными разрядами, и увеличить таксу на погребение, для того чтобы собирать больше средств для благоустройства кладбищ⁶³. Хотя эти меры реализовывались постепенно вплоть до революции, они не смогли существенно изменить положение дел. Все те же самые проблемы – переполненность кладбищ, плохое их состояние, отсутствие оград и учета захоронений и т. д. – отмечались и при проведении реформы в 1918 году.

Еще одной проблемой помимо проблемы состояния кладбищ стали отношения причта кладбищенских храмов с частными торговцами похоронными принадлежностями. К началу XX века частная торговля этими предметами приобрела большой размах и частные торговцы

⁶¹ Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. С. 203.

⁶² Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища: [Краткая история и современное состояние с описанием экспонатов 5-го отдела Музея] / Под ред. П. В. Сытина. М.: Московское коммунальное хозяйство, 1925. С. 71–72.

⁶³ Там же. С. 73.

заняли устойчивое положение на рынке. С конца XIX века в больших городах появляются лавки гробовщиков и похоронные бюро, а к началу XX века они работают уже практически во всех городах⁶⁴. Всего за два десятилетия до революции похоронное дело достигло серьезных масштабов⁶⁵, однако его полноценное развитие существенно тормозилось тем, что клир кладбищенских храмов делал всё от него зависящее, чтобы не допустить независимых частных агентов к работе на кладбищах. Несомненно, это приводило к серьезным конфликтам. Так, в марте 1914 года группа московских торговцев похоронными принадлежностями обратилась к депутатам Государственной думы и митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию за защитой «от натиска духовного ведомства»⁶⁶. Как видно из материалов дела, кладбищенское хозяйство превратилось для клира кладбищенского храма в настоящий бизнес: «На Лазаревском кладбище, например, причт сдает в аренду под дома кладбищенскую землю, принадлежащую городу. На Ваганьковском кладбище о. Н. Н. Любимов устроил целую фабрику для изготовления крестов, памятников, решеток и пр. Между могилами поставлена кузница. Для расширения своего предприятия о. Любимов проектирует купить лесное имение и поставить на нем лесопилку, которая должна будет обслуживать надмогильными крестами всю московскую епархию»⁶⁷. «Торгово-промышленные заведения» на кладбищах занимались не только производством похоронных принадлежностей, но также и скупкой и перепродажей монументов⁶⁸. При этом приходской клир не просто наращивал обороты своего бизнеса, но и активно препятствовал работе конкурентов. Для этого использовались как экономические инструменты давления, так и методы, которые мы сегодня назвали бы черным пиаром. На кладбищах были «введены своего рода таможенные пошлины», которыми облагались сторонние конторы. Таким образом, пользоваться услугами кладбищенских предприятий было в несколько раз дешевле. При этом кладбищенские служащие считали, что эта разница объясняется не введенными ими же пошлинами, а крохоборством частных торговцев: «Кладбищенские конторы, кроме объявлений в газетах, раздают прихожанам летучки с такими примечаниями: „заказы в конторе несравненно выгоднее, чем у барышников-торговцев за воротами кладбища“». Используя доступ к церковной прессе, духовенство стремилось очернить торговцев в глазах прихожан:

К услугам духовенства духовные журналы, в роде «Церковности», где ремесленники и торговцы по изготовлению памятников и пр. обзываются развратниками, пьяницами и т. п. Делается все это с целью опорочить ни в чем не повинных тружеников и приумножить собственные доходы. Между прочим, четырьмя ремесленниками подана жалоба на «Церковность» по обвинению этого органа в клевете в печати.

По-видимому, даже таких радикальных мер оказывалось недостаточно, и отдельных «ремесленников» просто приказывали не пускать на кладбища⁶⁹.

Так же как и Комиссия Московской городской думы, торговцы видели единственный путь решения проблемы в «передаче в ведение города всех московских кладбищ». Торговцы активно апеллировали к светским судебным властям, и суды, как правило, принимали решения в их пользу. Одновременно торговцы сетовали, что торговая деятельность духовенства происходит «вопреки ясному запрету церковных канонов <...> которыми пресвитерам и клирикам не

⁶⁴ Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. С. 206.

⁶⁵ Там же. С. 210.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 302. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Л. 2.

⁶⁸ Там же. Л. 3.

⁶⁹ Там же. Л. 2.

дозволено заниматься откупам и торговлей, и вопреки многочисленным указаниям светских законов»⁷⁰, однако эти аргументы оказывались гораздо менее действенными.

Материалы дела о конфликте между торговцами и кладбищенским духовенством подробно очерчивают размах «коммерческой деятельности нашего кладбищенского духовенства»:

Обороты кладбищенского духовенства достигают огромных размеров. Так, например, Ваганьковское кладбище в год делает около 100.000 руб. оборота⁷¹.

На земле Ваганькова кладбища, от самых врат по дороге к церкви, непосредственно рядом с могилами, открыты 3 склада под навесами для продажных монументов, 2 открытые площадки для них же, малярная мастерская, контора садоводства. И в южной части кладбища <...> каменная кузнечная мастерская, с горном, слесарной и сборочной <...> каменнотесной мастерской под навесом, шлифовальная мастерская, паяльная, казарма для рабочих, оранжерея, парники, огороды декоративных растений. При означенных заведениях содержится штат, доходящий по временам до 50 человек⁷².

Эта коммерческая деятельность не «имеет никаких приказчиных и промысловых свидетельств», а следовательно, за нее не платятся налоги, хотя она и не подпадает под налоговые льготы для духовенства. Несомненно, в случае судебного или налогового разбирательства духовенство должно было бы заплатить немалый штраф⁷³. При таком размахе коммерческой деятельности состояние Ваганьковского кладбища вполне могло бы быть образцовым, однако свидетельств о том, что оно существенно отличалось от остальных в лучшую сторону, у нас нет.

Как видим, похоронное дело в течение XVIII и XIX веков в России развивалось в целом в том же направлении, что и в других странах Европы, хотя и с известным отставанием. Необходимость проведения реформ в этой области была обусловлена не только общей деградацией контролируемой Церковью похоронной сферы, но и растущей напряженностью между церковными и светскими участниками похоронного дела. В России первое предложение о такой реформе было внесено на рассмотрение в 1909 году, но было блокировано Синодом⁷⁴. Вскоре, в 1913 году, в Министерстве внутренних дел был разработан новый похоронный устав, в котором предлагались пути выхода похоронной сферы из сложившегося кризисного состояния. В целом проект нового устава предлагал изменения, которые в той или иной степени уже были реализованы в других европейских странах. В отличие от более ранних указов о похоронном деле, собранных во Врачебном Уставе, новый документ был отдельным «Постановлением об устройстве кладбищ и крематориев, о погребении и регистрации умерших». Отметим, что статьи Врачебного Устава представляли собой свод отдельных разрозненных постановлений и указов, принятых различными монархами в период с первой половины XVIII по середину XIX века. Положения этих статей никак не аргументировались. Многие статьи регулировали не столько процесс погребения умерших, сколько действия духовенства в этой ситуации. В новом же проекте вопрос о захоронении умерших ставился принципиально иначе – так, как это было обозначено в его преамбуле, в которой погребение усопших рассматривалось прежде всего как санитарная проблема. В силу этого все нормативные положения, согласно проекту, должны были в первую очередь «согласовываться с данными современной гигиены», в то время

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 302. Л. 3.

⁷¹ Там же. Л. 2.

⁷² Там же. Л. 3 об.

⁷³ Там же. Л. 4.

⁷⁴ Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 537.

как статьи, «касающиеся обрядов, устройства церквей на кладбищах, обязанностей священников», должны были быть исключены как «собственно к санитарному делу не относящиеся». Примечателен и другой пассаж, в котором отмечалось, что «существенным пробелом действующего у нас законодательства, с точки зрения современных взглядов на это дело, является отсутствие в нем каких-либо указаний на допустимость или недопустимость способа захоронения путем сожжения трупов, а также отсутствие установления обязательной регистрации умерших для всех хотя бы губернских городов Империи»⁷⁵. Преамбула включала также подробный обзор «законоположения иностранных государств» – Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, Франции, перечень современных санитарных требований к устройству кладбищ, исторический обзор практики кремации, историю ее введения в разных странах Европы и статистику по кремации в разных странах с 1878 года. Отдельные разделы были посвящены юридическому обоснованию допустимости практики кремации и необходимости регистрации умерших. Основной текст положения состоял из четырех глав, определяющих устройство кладбищ, правила погребения, кремацию и регистрацию умерших⁷⁶. Существенным новшеством Постановления по отношению к более раннему Врачебному Уставу стало перераспределение зон ответственности в вопросе о контроле над мертвыми телами и передача их от церковных властей гражданским. Гражданским властям предоставлялись полномочия регистрировать и вести учет смертей; новая практика кремации, противоречившая позиции Синода, также оказывалась под контролем светских властей. Таким образом, проект, если бы он был одобрен, создал бы отдельный сегмент похоронной сферы, полностью независимый от религиозных институтов.

Таким образом, накануне 1917 года основные противоречия в вопросе о похоронном деле были связаны с противостоянием гражданских и церковных властей. Церковные власти стремились сохранить монополию как на само кладбищенское пространство, так и на символическое и юридическое оформление практик обращения с мертвыми телами. Светские власти, в свою очередь, стремились получить контроль над санитарным состоянием кладбищ, что должно было разрешить проблему их плачевного состояния. Проект нового положения был представлен на рассмотрение Государственной думы в 1914 году, но также был блокирован Синодом⁷⁷. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса было отложено в связи с начавшейся Первой мировой войной.

Нельзя сказать, что Церковь просто закрывала глаза на существующие проблемы. Церковь осознавала, что она играет важную институциональную роль в социальной работе по утилизации мертвых тел. Однако механизм церковной бюрократии был готов к реформам не более, чем неповоротливая машина всего государства. Церковь ограничивалась тем, что подробно прописывала права различных действующих сторон внутри похоронной сферы. Так, в «Настольной книге для священно-церковнослужителей» очерчивался тот спектр услуг, которые могла предоставлять «контора по устройству похорон», и те сферы, в которые она вторгаться не имела права. К первым относилась доставка гробов и принадлежностей к ним (подушки, саваны, одежды для умерших, катафалки, подушечки для знаков отличия), услуги носильщиков, прислуги, организация присутствия полиции в случае такой необходимости, транспортировка тела на кладбище, обустройство могил на кладбище. К действиям, которые не могли входить в сферу деятельности контор, относились «поручения по постановке покровов на усопших, свечей, подсвечников, как для панихид, так и для отпеваний, <...> венчиков и разрешительных молитв»⁷⁸. Церковь также старалась всеми возможными способами сдерживать

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 443. Л. 10.

⁷⁶ Там же. Л. 10–40.

⁷⁷ Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 537; ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 443. Л. 10–40.

⁷⁸ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: В 2 ч. Ч. 2. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. С. 1293. Прим. 1068.

выход похоронной культуры за пределы обрядовой сферы, особенно противясь использованию похорон как политической площадки, в частности запрещая наносить надписи на траурные венки⁷⁹.

Определенная потребность в изменении похоронных практик ощущалась до революции и внутри самой Церкви. Об этом свидетельствуют, в частности, документы Поместного собора Православной церкви 1917–1918 годов. Одним из важных вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Подотдела Поместного собора о погребении и поминании, был вопрос о кремации. Традиционное отрицание нового вида погребения перемежалось здесь с утверждениями, что «отношение к сожжению не должно быть безусловно отрицательным и слишком категорическим»⁸⁰. Разногласия в данном вопросе были столь сильны, что Подотдел решил воздержаться от принятия самостоятельного решения, отложив его до будущего (но так и не состоявшегося) обсуждения на общем заседании Отдела о церковной дисциплине, в который входил Подотдел о погребении и поминании.

Таким образом, к началу второго десятилетия XX века городские власти и частные предприниматели сходились в мнении, что церковное доминирование в похоронном деле необходимо ограничить. Более того, и сама Церковь ощущала необходимость изменений в похоронной сфере. Однако Первая мировая война, общенациональный кризис и последовавший коллапс государства не дали развиваться секулярным тенденциям похоронного администрирования. Между тем большевики и создаваемое ими новое идеологизированное государство, хотя и использовали радикально отличную риторику, фактически этим продолжили проводить в жизнь политику секуляризации похоронного дела. Как мы увидим ниже, инициативы советской власти в области похорон лишь внешне выглядели «революционно», в действительности же многие положения нового похоронного законодательства отсылают к дискуссиям и инициативам дореволюционной поры.

⁷⁹ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Ч. 2. С. 1330. Прим. 1148.

⁸⁰ Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 538.

Последствия похоронных реформ и советский микрокосм

В отношении похоронного дела ни методы реформ большевиков, ни их конкретное содержание не были уникальны. Фактически основные положения реформы 1918 года уже содержались в проекте «Постановления об устройстве кладбищ и крематориев» 1913 года и лежали в русле тех изменений, которые происходили во всех странах Европы в этот период. Однако если методы и идеи большевиков и не были уникальны, то результаты оказались поистине невиданными. Если осенью 1917 года в российских городах существовала хотя и имевшая изъяны, но в целом работавшая похоронная система, то уже к весне 1918 года в главных городах страны похоронное дело и кладбищенское администрирование пришло в абсолютный упадок и негодность. Морги и больницы были переполнены трупами, непогребенные тела лежали на кладбищах, могильщики саботировали работу, на кладбищах селились люди и пасся скот, получить документы на погребение было крайне сложно. Распад затронул абсолютно все сферы, ставшие объектом утопического реформирования 1917–1918 годов⁸¹, и похоронное дело здесь стало не исключением, а, наоборот, – одним из наиболее ярких примеров стремительной деградации муниципальной сферы. Но если последовавший в первой половине 1920-х годов переход к НЭПу и позволил восстановить многие сегменты муниципальной сферы, то попытка восстановить старые порядки в кладбищенском хозяйстве и при этом воспроизвести модернизированные дореволюционные схемы в новых реалиях, которая была предпринята в 1923 году, не привела к существенному улучшению ситуации. Кладбища продолжали находиться в упадке. Истории похоронного кризиса 1919 года, путям выхода из него, а также подчас парадоксальным результатам этих усилий посвящена глава 4 этой книги.

Вопрос о том, почему предпринятая в 1920-е годы попытка утилитаристской реформы похоронного администрирования не улучшила, а еще больше усугубила тяжелое положение этой важной сферы жизни, не имеет однозначного ответа. С одной стороны, поставив в центр всей реформы задачу удалить Церковь из похоронного обеспечения, большевики игнорировали внутреннюю логику похоронной культуры и ту инфраструктурную роль, которую в ней играла Церковь. Идеологи реформ в соответствии с общим направлением своих мыслей полагали, что похоронное дело является лишь инструментом обогащения Церкви, которая манипулирует родными умерших для извлечения сверхприбылей. При этом в восприятии большевиков отношения между Церковью и родственниками умерших находились в плоскости веры и обрядов. Деление похорон на разряды представлялось им проявлением социального неравенства, свойственного сословному обществу Российской империи.

⁸¹ Смирнова Т. М. Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917–1930-е годы // The Soviet and Post-Soviet review. 2016. № 43 (1). Р. 36–66; Кириллова Е. А. Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // The Soviet and Post-Soviet review. 2016. № 43 (1). Р. 5–35; Matsui Y. Housing partnerships, ZhAKTy, or Housing trusts? A study of Moscow's housing management system, 1917–1937 // Acta Slavica Iaponica. 2009. Vol. 26. Р. 109–139; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 64–67.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.